

ФУНКЦИИ ПОЭТОНИМОВ И СПОСОБЫ ИХ ВВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТ «РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК» А. Н. АФАНАСЬЕВА

к. ф. н. Аноненко И. Н.

Украина, г. Днепр,
ГУ «Днепропетровская медицинская академия МЗ Украины»

Abstract. The article deals with the functions of proper names and ways of introduction characters' names into the context of "Russian folk tales" by A. N. Afanasyev. Proper nouns not only identify the character but make the stress upon his peculiarities which are notable for its image. Consequently, they possess certain functions that depend upon their pertaining to the definite group of words and author's aims. The proper names are presented in the tales in the following functions: nominative, expressive, denoting, index function and social legalization, rename and cadence. Different ways of characters' names introduction are analyzed, and they are divided according the social status, age etc.: in the author's words, in the speech of other characters, in monologues, in proverbs.

Keywords: proper name, poetonym, name functions, ways of name introduction, tale.

Введение. В рамках развития современной лингвистики значимыми остаются традиции историко-культурного изучения семантики слова, в том числе поэтонимов, в фольклорных текстах.

Теоретическое обоснование поэтонимов нашло свое отражение в работах Ю. А. Карпенко, Е. С. Отина и в монографическом исследовании В. М. Калинкина. Однако крайне мало лингвистических работ, посвященных рассмотрению имен сказочных персонажей как в фольклорных текстах (С. Г. Лавриненко, Т. И. Мальцева, М. Н. Морозова, М. И. Пилаш), так и в литературных (В. В. Бардакова, Я. И. Гин, Н. Г. Каценеленбоген, Е. А. Фролова).

Особую актуальность в ряду проблем, связанных с рассмотрением фольклорного текста, а именно сказочного, приобретает вопрос именовании персонажей в нем. В частности, такой специфический разряд как поэтонимы позволяет открывать в фольклорных текстах новые оттенки смыслов, используемых сказителями и писателями для реализации конкретных художественных и прагматических задач.

Результаты исследования. Имена не только идентифицируют персонаж, но и подчеркивают какие-либо его признаки, имеющие значение для характеристики образа. Следовательно, они выполняют определенные функции, которые зависят от принадлежности данных имен к конкретному классу слов и от авторских целеустановок.

Разветвленная система функций имен собственных характерна для современного состояния русского языка и художественной речи.

Основной функцией собственных имен (СИ) в сказках так же, как и в языке, выступает *номинация*. Она присуща всем именам.

Уже в самом начале текста сказки называется имя главного персонажа – поэтоним, например: «В некотором царстве, в некотором государстве жил да был старик со старухой и был у них сын *Мартышка*» («Волшебное кольцо») [1, т. 2, № 191, с. 36]; «Не в каком царстве, не в каком государстве был-жил царь с царицею, и была у них одна дочь *Марья-царевна*» («Буренушка») [1, т. 1, № 101, с. 122]. Отчасти такое первичное представление героя выполняет и *указательную функцию*, так как указывает, обращает внимание читателя или слушателя именно на данного героя.

Немаловажную роль в раскрытии характера героя играет *экспрессивная функция*. Чаще всего экспрессивно-окрашенные имена, вернее их формы, встречаются в речи других персонажей, что выражает определенное отношение к обладателям имени: «Пришла мать, стала звать сына тоненьким голоском: "*Терешечка*, мой сыночек, плыви, плыви к бережочку"» («Терешечка») [1, т. 1, № 112, с. 146]; «Баранчик стал звать: "*Аленушка*, сестрица моя!"» («Сестрица Аленушка...») [1, т. 2, № 261, с. 253]. Представленные в этих сказках уменьшительно-ласкательные формы имен выступают в *функции обращения*.

Если положительная экспрессия выражается в основном словообразовательными средствами, то отрицательная раскрывается с помощью внутренней формы личных именовании: «Тогда Кузенька по сказанному, как по писаному, пошел вместе с тестем в зеленый сад, и стали

они в этот дуб стрелять и убили царя *Змиулана* до смерти» («Козьма Скоробогатый») [1, т. 1, № 164, с. 319]. Этимология данного именованья восходит к «змею»¹. «Змей, змея» – наиболее существенный и сложный из всех символов, воплощенных в животных, самый древний из них. Иудейская и христианская традиция представляет змея как врага человечества и даже идентифицирует его с сатаной [6, с. 120]. В искусстве же змея стала основным символом зла и обмана. В сказках Змей, по мнению Н. В. Новикова, выступает «как гиперболизированное олицетворение опасности» [3, с. 191]. Именно путем причудливого соединения в лице данного персонажа признаков различных существ воображение творит фантастические сказочные образы (положительные и отрицательные), к которым причислятся *Змиулан*.

Для сказок в большей степени характерна словообразовательная экспрессия, именно эти формы поэтонимов (например, *Иванушка-дурачок*, *сестрица Аленушка* и т.д.) часто являются «визитными карточками» самих сказок, а иногда они выходят за пределы фольклора и функционируют в живой речи, но с тем же значением, той же экспрессией.

Функция социальной легализации. В этой функции представлены поэтонимы персонажей, включающие в свой состав нарицательный компонент, характеризующий героя по социальному статусу, профессии, происхождению, роду занятий, умственным и физическим способностям и т.д. Например: «Догнал его [Горшеню] *государь Иван Васильевич*» («Горшеня») [1, т. 3, № 324, с. 15]; «У *короля Додона* было три дочери...В другой раз сделалась *королевна Марья Додоновна* беременна...» («По колено ноги в золоте, по локоть руки в серебре») [1, т. 2, № 285, с. 301-302]; «... жил *Климка* у *мастера-вора* да и выучился воровать на славу» («Вор») [1, т. 3, № 384, с. 101]; «Повез мужик и *бабину дочь Наташку* в землянку...» («Дочь и падчерица») [1, т. 1, № 98, с. 118].

Невозможно представить царя по имени *Климка* и королевну *Наташку* или крестьянина и его дочь, которых величают по имени и отчеству *Иван Васильевич* и *Марья Додоновна*. Эта экстралингвистическая функция служит социальной дифференциации, но базируется на языковом материале, который, в свою очередь, тщательно отбирается.

Можно выделить в сказках такую речевую функцию, как *фатическая* (О. И. Фонакова) [7, с. 16]. В трех сказках встречается переименование главного героя и замена его первоначального имени прозвищем:

по внешнему виду персонажа: «Всячески они угнетали бедную *Машу*, заставляли ее на себя работать, а когда работы не было – заставляли ее сидеть у печки да выгребать *золу*; оттого *Маша* всегда и *грязна*, и *черна*, и прозвали они ее девкой *Чернушкой*» («Чернушка») [1, т. 2, № 293, с. 317].

по особенностям ответа героя сказки: «*Иван* купеческий сын один ответ ладит: “*Не знаю!*” – “Коли так, будь же ты *Незнайкою*”...Сел *Незнайка* на своего коня доброго...» («Незнайко») [1, т. 2, № 295, с. 322].

Ритмическая функция важна для многих фольклорных жанров (обрядовых песен, пословиц и поговорок, загадок и др.). Ритмичность является очень существенным строевым компонентом фольклорных текстов. Эвфонические свойства имени, способствующие благозвучию речи и созданию внутреннего ритма и рифмы, можно проследить на следующих примерах: «Жил-был *Нестерко*, было у него детей *шестерко*» («Убогий») [1, т. 3, № 347, с. 52]; «В то время жили шесть братьев – все Агафоны, батюшка Тарас, а матушка – не помню как звалась; да *что до названья?* Пусть будет *Маланья*» («Не любо – не слушай») [1, т. 3, № 425, с. 152].

Являясь единицей данного языка, СИ подчиняются его законам и выполняют характерные для него функции; в речи же, а особенно художественной речи, на данные функции наслаиваются дополнительные, позволяющие СИ выступать как средству художественной изобразительности, как одному из многочисленных компонентов художественной системы.

Проанализируем способы введения именованья персонажей в сказочный контекст.

Т. И. Мальцева в работе «Конструкции, репрезентирующие персонажей русской волшебной сказки» (2002), рассматривая способы введения имен, дает характеристику вводящей конструкции (иначе – конструкции ввода), которая «понимается как семантико-синтаксическое образование, состоящее из одной или нескольких предикативных единиц и служащее для включения в текст волшебной сказки определенного действующего лица» [2, с. 7].

¹Змей, как древнейший и популярнейший образ мирового фольклора, получил достаточно обстоятельное освещение в книге В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки» (глава «У огненной реки») [4, с. 197-259].

Герой, как пишет Т. И. Мальцева, обычно вводится инициальной конструкцией, представляющей собой интродукцию к тексту сказки [2, с. 8]. Инициальная конструкция не только представляет бытие героя, но именует и характеризует его по социальному статусу, возрасту, семейному положению [2, с. 8]. Однако номинация героя рассматривается автором лишь как один из логико-семантических шагов в конструкциях, вводящих героя непосредственно (например: «Жил-был мальчик, сирота» [2, с. 8]) и опосредованно, когда герой репрезентируется через представление родителей, таким образом, по мнению Т. И. Мальцевой, «в сказочном тексте находит отражение роль семьи, ставшей с эпоху создания сказки основным социальным институтом восточных славян» (например: «Был богатый купец по имени Выслав. У него был сын. Звали Ванюшкою. Он был такой умный») [2, с. 8].

Нами выделяются следующие способы введения поэтонимов в сказочный текст.

1. *В речи автора.*

Чаще всего при первой фиксации героя его имя дано в речи автора или сказителя. При этом, как правило, герой именуется официальным именем, которое характеризуется стилистической нейтральностью: «В некотором городе жил-был купец, у него было три сына: первый – Федор, другой – Василий, а третий – Иван-дурак» («Соль») [1, т. 2, № 242, с. 215]; «В некотором царстве, в некотором государстве жил-был богатейший купец; у него была одна дочь Анастасия Прекрасная» («Марко Богатый и Василий Бессчастный») [1, т. 2, № 305, с. 346].

В ряде случаев сразу при первом появлении в тексте автор объясняет значение внутренней формы данного имени, раскрывает причину именно этого поэтонима. Данный способ подачи имени в большей степени характерен для поэтонимов, включающих приложения и атрибутивные сочетания, например: «У **царицы** родился **Иван-царевич**, у **кухарки** – **Иван-кухаркин сын**, у **коровы** – **Иван Быкович**» («Иван Быкович») [1, т. 1, № 137, с. 225]; «В некотором царстве, не в нашем государстве, за тридевять земель, жил **король**; у него была дочь красоты неописанной, звали ее по имени **Марья-королевна**» («Рога») [1, т. 2, № 194, с. 49]. Такое введение поэтонима в сказочное произведение является экспозиционно-сюжетным.

В сказках встречается самостоятельное употребление приложения, дающего социальную характеристику героя, predeterminedную началом сказки: «В некотором **царстве**, в некотором государстве **жил царь с царицею**, у них был сын **Василий-царевич**... Ведь **царевич** теперь от великих трудов изнурился оттого и портрет не приходится» («Царь-девица») [1, т. 2, № 251, с. 233]; «...на колеснице сидит **королевна Елена Премудрая** – такой красоты неописанной; ...не летай больше на зеленый луг, не дивись на **Елену Премудрую**; ...обрадовалась **королевна**, взяла птичку в руки» («Елена Премудрая») [1, т. 2, № 236, с. 201].

В одних сказках герой на протяжении всего сюжета может именоваться одинаково, т.е. персонаж имеет устойчивое именование: «Этот царь ушел с войсками, а царством осталась править дочь его **Марфа-царевна**» [1, т. 1, № 125, с. 170], «Между тем **Иван-царевич** узнал, что **Марфу-царевну** увезли к Водяному царю, собрался и поехал на остров... А **Иван-царевич** отвечает **Марфе-царевне**...» («Иван-царевич и Марфа-царевна») [1, т. 1, № 125, с. 172].

В других – СИ персонажа представлено в контексте в разных формах: имя (полное), имя и приложение, одно приложение, семантическая наполняемость которого к тому же может изменяться в соответствии с изменениями в судьбе героя, например: «Жил богатый **купец**, у него был **сын Иван**... “Слышь, батюшка”, – говорит **Иван купеческий сын**... **Царь женил его на своей дочери**, и сделался **Иван купеческий сын Иваном-царевичем**» («Хитрая наука») [1, т. 2, № 253, с. 236-237]. Но здесь важно не то, употребляется имя с приложением или без него, а то, что контекст раскрывает смысл одного из компонентов поэтонима (в данном случае приложения).

2. *В речи других персонажей.*

«Когда царевич был мал, то мамки и няньки его **прибаюкивали**: “Баю-баю, **Иван-царевич!**”» («Кошеч Бессмертный») [1, т. 1, № 158, с. 295]. Этот поэтоним вводится в сказку в ретроспективно-ситуативном плане.

«Только у того мужика и случилась родина: бог дал ему сына. Мужик очинно возрадовался и учал выпрашивать у господ: “Господи! **Какое имя будет сыну** и какое счастье?” – “Имя ему **Андрей**”, – **сгудорил ангел небесный**...» («Марко Богатый и Василий Бессчастный») [1, т. 2, № 306, с. 350]. В данном контексте имя дано в актуально-ситуативном плане.

«**Молвил змей**: “На роду моем написано, что будет мне супротивник **Иван-Горох**, и **родится он от горошинки**”» («Сказка о Василисе золотой косе, непокрытой красе и об Иване-Горохе») [1, т. 3, № 560, с. 229]. Поэтоним представлен в перспективно-ситуативном плане.

Здесь специфика введения в текст имени состоит в том, что в микроконтексте сказки имеется однокорневое слово, являющееся компонентом полного наименования героя.

В данном аспекте интерес представляет введение поэтонима *Финист ясный сокол* в сказку № 234 «Перышко Финиста ясна сокола». Можно предположить, что *Финист* = *Феникс* – бессмертная птица. Откуда это имя попало к русским, неизвестно. Как отмечает В. Я. Пропп, эта сказка популярна и распространена по всему миру, в Европе известна, начиная с XIV века [5, с. 219].

Поэтоним вводится в речи младшей дочери в просьбе к отцу: «Купи мне перышко *Финиста ясна сокола*» [1, т. 2, № 234, с. 190]. В данной сказке отражены анималистические представления о душе, о том, что душа может скрываться в животном (или растении) [5, с. 223]. Воплощением этого является и *перышко Финиста*, обладая которым, можно обладать и тем, кто его представляет. Ведь представление о том, что тот, кто владеет частью человека, имеет власть и над всем человеком, очень древнее (на нем основаны некоторые роды заговоров и колдовской практики). Все это отражает данная сказка, а так как героиня владеет перышком, значит, владеет и самим героем: «... пришла и она в свою горницу, открыла коробочку – *перышко Финиста ясна сокола* тотчас вылетело, ударилося об пол, и явился перед девицей прекрасный *царевич*» [1, т. 2, № 234, с. 190].

3. *Самопредставление* (или *самохарактеристика*) героя, отмечается при введении женских поэтоимен: «Я – *королевна Елена Прекрасная*, а купец, что меня продал, злой колдун» («Купленная жена») [1, т. 2, № 231, с. 179]; «Там меня и найдешь; ведь я дочь морского царя, *Василиса Премудрая*» («Морской царь и Василиса Премудрая») [1, т. 2, № 222, с. 151]. Данные поэтоимена употреблены в актуально-ситуативном плане.

4. Помимо авторской речи, речи одного персонажа (монологическая речь), СИ включаются в *диалог*, то есть в *диалогическую речь*. Ярким примером тому является сказка «Хорошо, да худо», представляющая собой в структурно-сюжетном плане диалог с полным отсутствием авторской речи: «*Афонька!* Где был – побывал, как от меня бежал?» – «В вашей, сударь, деревне – у мужика под овином лежал» – «Худо же, *Афонька*, твоё дело!» – «Нет, сударь, худо, да не так»» [1, т. 3, № 414, с. 141].

5. *Введение имен в присказку*. В сказке «Звериное молоко» имена *Антон* и *Агафон* встречаются только в присказке. Далее, уже в самой сказке, другой сюжет и действуют безымянные герои: «Жили-были два крестьянина: один – *Антон*, другой – *Агафон*. “Послушай, брат! – говорит *Антон*. – Бедовая туча к нам несется”, – а сам как лист трясется. “Ну что ж за беда!” – “Да ведь град пойдет, весь хлеб побьет!” – “Какой град! Дождь будет” – “Ан град!” – “Ан дождь!” – “Не хочу говорить с дураком!”» – сказал *Антон* да хватъ соседа кулаком. Ни град, ни дождь нейдет, а у них из носов да ушей кровь льет. Это еще не сказка, а присказка; сказка будет впереди – завтра после обеда, поевши мягкого хлеба» [1, т. 2, № 202, с. 79]. Единственное, что объединяет присказку и последующую за нею сказку, главный герой – *дурак*.

В данной присказке много примеров созвучных форм слов (несется – трясется, пойдет – побьет, дураком – кулаком). Вполне возможно, что поэтоимена *Антон* – *Агафон* также используются только для создания рифмы (т.е. в *ритмической функции*).

Завершая рассмотрение способов введения поэтоимен героев в контекст сказок, можно отметить, что в том случае, когда у персонажа имеется несколько форм именования (простые, или сокращенные, сложные, или развернутые), предпочтение отдается сокращенному варианту. Поэтоним главного героя одноименной сказки *Буря-богатырь*, *Иван коровий сын* вводится в текст, наблюдается различное употребление имени главного персонажа: его называют и полным именем, и просто *Буря-богатырь* (по его качествам), и по рождению – *коровий сын*, и *Буря-богатырь коровий сын*. Чаще всего он именуется как *Буря-богатырь* (такая форма поэтоимена встречается в тексте 50 раз, что по сравнению с полным именем *Буря-богатырь коровий сын*, которое употреблено лишь 4 раза, в 12,5 раз больше). Таким образом, можно говорить в данном случае о принципе «онимной экономии» [290, с.249], который функционирует в русле языковой экономии, ведь имена собственные являются частью словарного состава языка.

Выводы. Анализ поэтоимен, представленных в текстах сказок сборника А. Н. Афанасьева, подтверждает народно-разговорную основу сказок как одного из ведущих жанров фольклора. В «Русских народных сказках» А. Н. Афанасьева СИ представлены в следующих функциях: номинативная, экспрессивная, указательная, функции социальной легализации и обращения, фатическая и ритмическая функции. При самопредставлении и введении героя в сказочное пространство в речи автора происходит совмещение функций: номинативная функция часто связана с указательной, экспрессивная – с функцией обращения.

В целом же перечисленные функции и способы введения СИ героев в контекст сказок являются подтверждением многообразия приемов актуализации поэтонимов – одного из средств создания художественного образа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: в 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М. : Наука, 1985. Т. 1. – 512 с. ; Т. 2. – 464 с.; Т. 3. – 496 с.
2. Мальцева Т. И. Конструкции, репрезентирующие персонажей русской волшебной сказки: автореф. дис. на соискание науч. степени кандидата филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. И. Мальцева. – Воронеж, 2000. – 24 с.
3. Новиков Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки / Н. В. Новиков. – Л. : Наука, 1974. – 255 с.
4. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Л. : ЛГУ, 1986. – 364 с.
5. Пропп В. Я. Русская сказка / В. Я. Пропп. – Л. : ЛГУ, 1984. – 336 с.
6. Тресиддер Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер ; [пер. с англ. С. Палько]. – М. : ФАИР – ПРЕСС, 1999. – 448 с.
7. Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте / О. И. Фонякова. – Л. : РИО ЛГУ, 1990. – 104 с.